ЭО, 2006 г., № 3

© А. Ю. Быков

ХАНСКАЯ ВЛАСТЬ У КАЗАХОВ: ЗВАНИЕ И/ИЛИ ДОЛЖНОСТЬ

При определении уровня развития общества, отношений групп и индивидов внутри него и их взаимодействия с внешними акторами важное значение имеет вопрос о системе организации власти в данном социально-политическом образовании. Существенным критерием развития социо- и политогенеза является государственность. Как правило, в качестве основных выделяются три признака: территориальное деление, систематическое налогообложение, выделившееся в отдельную сферу деятельности управление и существование бюрократического аппарата. В качестве дополнительных критериев выдвигаются плотность населения, уровень урбанизации, развитие письменности, фиксированное законодательство, достаточно сложная социально-политическая стратификация общества, сочетающаяся с эксплуатацией различных форм и др. (Крадин 1991; Куббель 1988; Энгельс; Earle 1978; Fried 1967; Service 1975 и др.). Основные и вспомогательные инструменты типизации носят весьма расплывчатый и условный характер, и их общепринятой систематизации не существует. Еще более запутанной представляется политическая эволюция кочевых обществ, для которых характерны низкий уровень урбанизации (или вообще отсутствие собственной городской культуры), слабая хозяйственно-экономическая специализация, трайбализм, приверженность адату, слабая плотность и высокая географическая мобильность населения и др.

Закономерно, что проблема оценки уровня организации власти в номадических обществах - одна из дискуссионных в современной политической антропологии и востоковедении. По ней исследователи высказывают различные точки зрения. Ряд авторов отстаивают идею о достаточно высоком уровне развития общественных отношений у кочевников и вызванной им высокой степени имущественной дифференциации и социальной поляризации. Этой группой ученых делается вывод о существовании у пасторальных народов такой системы организации властно-подданнических отношений, которую следует характеризовать как государственную. В частности, казахские ханства XV-XVIII вв. зачастую рассматриваются в качестве государств феодального или полуфеодального (патриархально-феодального) типа (Владимирцов 1935; Материалы объединенной 1955 и др.). В значительной мере на доминирование такой позиции оказал влияние формационный подход. К такому решению вопроса исследователей подталкивала лексика устоявшихся определений, отразившаяся в источниках и предыдущих исследованиях, а также использование в разговорной речи таких понятий как "империя", "государство", "ханство", "владетель", "правитель". Они имеют аналогии и прямые лексические совпадения дефиниций в тезаурусе ученых, которыми описывают общества с ярко выраженной институциональной структурой власти и номадические социально-политические образования, и их смыслы зачастую накладываются или отождествляются.

Иные исследователи, напротив, приходят практически к полному отрицанию наличия существенной хозяйственной и, как следствие, социальной дифференциации в об-

Андрей Юрьевич Быков – кандидат исторических наук, докторант Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного университета (Барнаул).

ществе кочевников. Исследователи, придерживающиеся данной позиции, отмечают качественные отличия в отношениях к собственности, власти и иным категориям в оседло-земледельческих и кочевых сообществах. Подчеркивается, что социально-экономические, а вслед за ними и политические изменения в номадической культуре происходили только под влиянием городской цивилизации. Номадизм не имел перспектив социально-экономического прогресса, являясь тупиковой ветвью развития мировой цивилизации (Марков 1976; Калиновская 1989).

Еще одна группа авторов также приходит к заключению об отсутствии перспектив внутреннего социально-экономического роста и развития обществ кочевников. Однако при этом фиксируется эволюция их политической системы, которая изменялась в прямой зависимости и взаимосвязи с соседними политическими образованиями оседло-земледельческих обществ. В частности, подчеркивалось, что государственность у кочевников периодически то возникала, то вновь исчезала, что никак не отражалось на уровне их социально-экономического развития, развитии хозяйственной специализации и системе отношений внутри общества. Исследователями отмечалось, что "политогенез у кочевников являлся обратимым, циклическим процессом. Периоды централизации и расцвета степных империй сменялись последующей сегментацией и гибелью политических образований номадов" (Крадин 1995: 196). Показывалось, что эксплуатация в кочевом социуме осуществлялась по отношению к иноплеменникам, и в этом случае весь социум выступал в качестве "класса" эксплуататоров (Крадин 1990; 1992 и др.).

Пример качественно отличных друг от друга подходов к решению вопроса об организации власти в кочевом сообществе — это оценка уровня развития у казахов иерархических структур накануне и в начальный период присоединения к Российской империи. В значительной степени вариации в оценках определяются различиями исследовательских методологий и парадигм, а также современными политическими пристрастиями авторов и их этнокультурной идентификацией. Не вдаваясь в подробности дискуссии по этому вопросу, отметим лишь, что и в данном случае учеными отстаиваются позиции необходимости оценки как государственнического (институционального), так и потестарного уровня организации власти в казахском обществе. В значительной мере отражением первого подхода стал выход второго и третьего томов нового пятитомника "Истории Казахстана" (История Казахстана 1999; 2000) и ряда других изданий, вышедших главным образом в Казахстане с середины 1980-х годов.

На наш взгляд, более убедительна аргументация исследователей, не рассматривающих в качестве государственной систему организации власти в казахском социуме. Мы согласны с точкой зрения В.А. Моисеева, подчеркивающего, что Казахское ханство – название условное, казахское общество накануне и в начальный период присоединения к России не имело собственной государственности (Моисеев 1995: 22–26). Многочисленные социальные группы этого общества, функции которых включали в себя управление, были слабо специализированы и не выделялись из основной сферы жизнедеятельности – кочевого скотоводческого хозяйства. Главными формами социальной организации здесь выступали не государство и право, а община и обычай (Быков 2003: 9–20). Показательно, что даже во второй половине XIX в. оренбургский военный губернатор Н.А. Крыжановский отмечал: все поступки казахов совершаются "на основе или семейных связей, или родовой вражды" (РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. Д. 35. 1865 г. Л. 1–106.; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 83/1. Л. 12).

Различные подходы к оценке уровня социально-политического развития казахского общества накануне начала присоединения к России отразились на качественной оценке как самого факта принятия казахами российского подданства, так и на типизации и периодизации дальнейшей истории Степного края в составе Российской империи. Например, И.В. Ерофеева полагает, что первый период присоединения Казахстана к России следует рассматривать в качестве вступления казахских владетелей в вассаль-

ную зависимость от правителей России, а сам этап именует "эпохой распространения формально-правового сюзеренитета Российской империи на казахское население Младшего и Среднего жузов". Таким образом, отношения России и казахских жузов рассматриваются сквозь призму отношений правителей феодальных государств. В результате факт присоединения оценивается указанным автором и другими как типичный для международного права средневековья факт патроната (Ерофеева 1999; Масанов и др. 2001). Такой же подход используется Ж.М. Тулибаевой, которая дает аналогичные оценки отношениям казахских владетелей не только с Россией, но и со среднеазиатскими государствами. По аналогии с хорошо известными автору среднеазиатскими владениями она трактует социально-политические отношения внутри казахского общества как "...феодально-раздробленное государство, состоявшее из нескольких ханств. Внутри ханств существовали султанские владения, делившиеся, в свою очередь, на бийские владения" (Тулибаева 2001: 76). Более корректным представляется мнение Ж.М. Джампеисовой, которая полагает, что наличие султанского сословия не отражает наличия феодальных земельных владений, а лишь характеризует казахское общество в качестве социально стратифицированного (Джампеисова 2004: 15). Второй период И.В. Ерофеева именует "эпохой постепенного утверждения государственно-политического протектората Российского самодержавия над казахскими жузами". Этот период, по ее мнению, лежит в хронологических рамках середины XVIII – начала XIX вв. (Масанов и др. 2001: 172-175). Однако и здесь отношения имели форму отношений вассала и сюзерена. Несомненна синхронизация периодизации И.В. Ерофеевой с общепризнанной периодизацией наличия института ханской власти в Казахстане. Причем сам факт его наличия позволяет, по ее мнению, делать вывод о существовании государственности у казахов в указанные выше годы. Вместе с тем это же позволяет делать заключение о том, что российская политика по отношению к казахам не носила в себе колониальных черт.

Более ясно данная точка зрения была выражена К.А. Жиренчиным. Он соглашается с оценкой отношений России и казахов как отношений вассальной зависимости. Причем он отмечает, что именно ликвидация института ханской власти, а с ним и казахской государственности предопределили "на исторически длительный период политико-правовой статус Казахстана как колонии Российской империи" (Жиренчин 1996: 9). Тот же автор отмечает, что вассальная форма зависимости предполагает меньшую самостоятельность, чем протекторат (Там же: 99–100).

В работах других современных казахстанских исследователей можно встретить несколько иную оценку взаимоотношений России и казахских владетелей и правового статуса казахских земель и казахов в составе Российской империи. В частности, А.К. Абилев и Е.А. Абилев полагают, что отношения между Россией и подвластными Абулхаир-хану казахами "строились на основе протектората, такой формы колониальной зависимости, когда зависимое государство сохраняет суверенитет во всех сферах, кроме внешней политики" (Кузембайулы и др. 1997: 27). В данном случае, эти два подхода объединяет то, что они оба учитывают наличие государственности у казахов накануне и на определенном этапе присоединения к России. Разница между ними состоит в том, что первый подход не рассматривает ранние этапы присоединения Казахстана к России в качестве колониальной экспансии.

Третьим вариантом оценки присоединения Казахстана к России является подход, который не учитывает в этом процессе самого факта наличия или отсутствия ханской власти у казахов (это просто иллюстративный факт, не имеющий серьезного гносеологического значения), а также их желания и внешнеполитические пристрастия. В последние два десятилетия вышло много работ по казахстанике, которые трактуют присоединение Казахстана к России как завоевание последней первого. Одним из категориальных нововведений можно считать введение такого понятия, как этноцид, которое используется по отношению к политике России и Советского Союза к каза-

хам. В качестве радикального варианта реализации концепции можно привести работы А. Сейдимбека, в одной из которых автор заявляет: "Казахская государственность в 1822 г. была насильственно ликвидирована, точнее говоря, уничтожена. С этого момента самые одаренные сыновья и дочери казахского народа перестали умирать естественной смертью" (Сейдимбек 2001: 554). Наиболее полно этот подход отражен в работах М.Ж. Абдирова (Абдиров 1994; Абдиров 2000 и др.). Методологическое обоснование этот подход находит в ставшей в последнее время популярной гипотезе о становлении российского империализма в эпоху территориальных приобретений царя Ивана IV.

Все три концепции объединяет оценка тенденции развития российско-казахских отношений в направлении унификации управления казахским населением в составе Российской империи с иными социальными, политическими и этнографическими группами. Причем и здесь зачастую факт ликвидации института ханской власти оказывается рубежным. Весьма типично следующее объяснение: "Ликвидировав казахские ханства, устранив от управления казахских султанов, царское правительство тем самым уничтожило даже видимость государственной самостоятельности казахов и превратило Казахстан в рядовую провинцию Российской империи" (Тулибаева 2001: 83).

На наш взгляд, популярность тематики и выводы исследователей в значительной степени предопределены государственной идеологией Республики Казахстан. Президент независимого Казахстана в одной из своих многочисленных работ "В потоке истории" без достаточной аргументации делает вывод, что Российская империя ликвидировала государственность казахов, подменив их родовыми институтами, которые выполняли дезинтеграционную функцию. Н.А. Назарбаев пишет: "Система чуждых национально-государственных институтов не развивала общенациональное единство казахов, а, напротив, всячески использовала институты родового деления как механизмы дезинтеграции нации" (Назарбаев 1999: 47). Для обоснования длительной истории существования государственности привлекались и привлекаются (или фабрикуются) источники, со ссылками на существование Казахского ханства. При этом ханский титул являлся как бы маркером этой государственности. Согласно господствующей идеологеме, чем длиннее исторический отрезок существования ханской власти, тем более подготовленным и объективным являлось появление на карте мира нового независимого государства – Республики Казахстан. Поиски новой идентичности стимулировали утверждение концепции независимой многовековой государственности казахов. В 1996 г. в Алма-Ате при поддержке правительства РК прошла крупная международная научно-практическая конференция "Эволюция государственности Казахстана", приуроченная к 450-летию образования Казахского государства. Относительно интеграции казахов в состав Российской империи и ликвидации института ханской власти было, в частности, заявлено: "Со времен построения первых военных укреплений ("военных баз" на современном геополитическом языке) и в особенности после поражения движения К. Касымова (1847 г.) можно говорить о конце казахского государственного суверенитета, длившегося около 400 лет, и полосе тотальной колонизации Казахстана Россией" (Эволюция государственности 1996: 360).

По нашему мнению, рассматриваемый ниже вопрос о сущности ханской власти и составляющей его части — ликвидации института ханской власти в казахском обществе российскими колониальными властями не следует понимать в качестве иллюстрации характеристик форм существования государственности казахов и ее ликвидации в рамках колониальной системы Российской империи. Напротив, процесс ликвидации традиционных институтов, их замены официальными бюрократическими структурами, протекавший в Казахстане под влиянием Российской империи, характеризует становление и развитие системы колониального управления. Итогом чему является привитие политической культуры и развитие институциональных (государственнических) представлений у казахов. Более того, именно объединение казахских патронимичес-

ких единиц в составе Российской империи ограничило партикуляризм и жузовый сепаратизм, способствовавшие национальной консолидации казахов.

В казахском обществе данного периода выделялось несколько социальных групп, осуществлявших властные полномочия. В первую очередь к таковым относились Чингизиды (торе), или ак-суйек (белая кость). Они образовывали особую касту с обязательной эндогамией для женщин. Сословие, образованное торе, называлось султанским. Высшие правители – ханы в казахском обществе XVIII–XIX вв. – избирались традиционной знатью только из среды султанов. Полномочия хана и султанов в различные хронологические отрезки варьировались: от выражения только формального внешнего почтения вплоть до применения смертной казни. Последнее было скорее исключением из обычно-правовой практики, чем явлением регулярным и типичным. В целом же функции ханов и султанов сводились главным образом к регулированию отношений с внешними силами как единоплеменниками, так и иностранцами. В одном из документов отмечалось, что султаны избирались "вовсе не для управления, а как стряпчие для внешних сношений" (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 85. 1886 г. Л. 19 об.).

Власть торе, как, впрочем, и иных групп, основывалась на обычае и легитимировалась адатом. Огромное значение имел личный авторитет, харизма. Типично донесение Оренбургской экспедиции пограничных дел канцлеру графу А.Р. Воронцову: "И когда оные старшины, ханские дети и прочие султани, в случае народного какого либо требования, служит им по желанию, но зато они, киргиз-кайсака (казахи. – A.E.), их любят и почитают, а в противном случае пренебрегают" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 8). Аналогичные сведения отложились и в документах Коллегии иностранных дел. В частности, весьма характерно следующее донесение об организации управления в казахской степи: "Есть у них (казахов. – A.E.) ханы, которых родственники называются солтанами, но не только такие их родственники, ниже сами ханы по сему их достоинству, никакой в народе силы не приобретают. Как ханство получается у них из солтанов, ибо никто из простых в ханы однакож не производится, по выбору, по большой части такия, которыя других проворнее, так и сила их в народе зависит по большой части от того их проворства" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 5 об.).

В казахском обществе не было выработано механизмов регуляции социальной практики, не связанных с обычным правом, обычаем или прецедентом. Отсутствовала бюрократия, органически неприемлемая в силу особенностей хозяйственного уклада, высокой географической мобильности населения и отсутствия достаточной доли прибавочного продукта. Последнее было обусловлено высокой степенью зависимости производства от внешних условий (джуты, эпизоотии, войны, барымта и т.д.). Это же предопределяло нерегулярность фискальных сборов и нелимитированность их размеров. П.И. Рычков сообщал по этому поводу: "Доходов определенных избираемых с народа ни ханы, ни салтаны не получают; содержит себя больше от своей собственной экономии добровольными подарками и добычею на войне" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 11–12). Нельзя считать полностью справедливым заключение В.В. Григорьева, что казахи "нигде и никогда не платили ханам своим никакой подати" (РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1842–1851 гг. Д. 22. Л. 42 об.). На наш взгляд, справедливо заключение А.П. Чулошникова о том, что сборы и подношения в пользу казахских ханов (ханлык) носили характер добровольных подношений (Чулошников 1924: 216). Несмотря на дискуссионность вопроса, представляется, что обряды взаимопомощи, круговой поруки и прочие многочисленные институты не являлись в казахском обществе рудиментом отживших социальных отношений. Напротив, они играли важную роль в организации и функционировании системы общественных взаимоотношений. Наиболее показательным в данном случае является отношение казахов-кочевников к собственности, которая зачастую воспринималась владельцами того или иного имущества в качестве временного явления. Кроме того, значительными имущественными правами обладали род, аул, семья. Даже в середине XIX в. саратовский купец Жарков, посещавший казахскую степь, сообщал, что богатые казахи не только долги, но и "кибиточные деньги (кибиточная подать — форма российского налогообложения кочевников. — A.Б.) за своих бедняков платят и исправляют их разные нужды" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 83/1. Л. 72).

Политическая деятельность в казахском обществе не выделилась в самостоятельную сферу человеческой деятельности. Даже столь сильный правитель как хан Абулхаир вынужден был заниматься хозяйственной деятельностью, а для решения внешнеполитических акций вынужден был лично верхом ездить к родоправителям и батырам. Так, Дж. Кэстль оставил подтвержденное иными источниками свидетельство, что в июне 1736 г. при попытке организовать набег на Уральскую пограничную линию хан Младшего жуза "на своей лошади поскакал к Джамбек Батуру (Джанибекубатыру. – A.Б.), до которого примерно два дня езды" (Кэстль 1998: 17). Во время возрастания реальной или виртуальной внешней опасности ханами и сул-

Во время возрастания реальной или виртуальной внешней опасности ханами и султанами периодически предпринимались попытки узурпации властных полномочий, но даже они не имели успеха. Периоды внешнеполитической стабилизации сопровождались ослаблением власти хана и султанов. Однако даже при ощутимой власти того или иного Чингизида родовые институты всячески ее ограничивали. Интересен следующий факт: в XVIII в. к суду биев были привлечены ханы Нуралы и Аблай, причем оба обязывались к уплате куна (плата скотом за кровь — наиболее распространенная форма наказания за такого рода преступления), а также султан Барак, обвинявшийся в убийстве хана Абулхаира, но оправданный судом биев.

Существовало несколько групп традиционной знати из среды черной кости (карасуйек). К таковым относились батыры, тарханы, старшины, баи и бии. Последние, решая вопросы обычно-правового судопроизводства, а нередко – хозяйственной и социальной организации, по своим функциям были наиболее близки к слою чиновничества, однако даже их не следует классифицировать таким образом. Их связывали с такой практикой не закон, а обычай, не политические институты, а родовые отношения. Нередко в источниках различного происхождения можно встретить объяснения, аналогичные следующему: "Власть бия – весьма относительная и условная. Бия слушаются, когда убеждение его совпадает с убеждением толпы его родовичей; распоряжение бия ничего не значит, если старшие в семействах не одобряют их" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 83/1. Д. 26. Л. 508-509). Кроме того, постоянно существовало явное или скрытое противостояние знати кара- и ак-суйек. Это достаточно подробно и убедительно было показано в конце XIX в. А. Никольским (Архив СПбО ИВ РАН. Раз. III. Оп. 1. Д. 48. Л. 5 об.–37 об.) и другими авторами. Конфронтация ослабляла позиции и тех, и других социальных групп с потестарно-политическими полномочиями, усиливая общинные, родовые и племенные институты, в первую очередь, роль народного собрания или курултая.

Таким образом, казахское общество накануне и в период начала присоединения к

Таким образом, казахское общество накануне и в период начала присоединения к Российской империи находилось на стадии, предшествующей государственной, иначе говоря, племенной. Институты, регулировавшие отношения между членами социального коллектива, не были легитимированы общественным договором и писаным правом. Соответственно, и так называемые владельцы, или владетели, нередко упоминаемые в источниках, не являлись аналогами государственных (бюрократических) органов, а семантическое совпадение таких понятий, как "хан" и "султан", с понятиями иных образований, например, Османской империи или империи Чингисхана, не означало совпадения их функций и полномочий. На наш взгляд, казахские ханы и султаны до включения их части в систему российской социально-политической стратификации — это не должности, а звания. Даже высшие сановники России были введены в заблуждение семантическими совпадениями. Известен анекдотичный случай того времени. Один из царедворцев попытался отдать приказ казахскому хану (в подчинении кото-

рого по донесениям состояли султаны, а сам казахский правитель – в российском подданстве) с тем, чтобы хан отдал распоряжение турецкому султану.

С момента формального включения Младшего казахского жуза в 1731 г. в состав Российской империи начался процесс кооптации казахских владетелей в имперскую политическую иерархию. Причем первоначально (и это вполне объяснимо) они включались с теми же званиями (здесь равно названиями), которые имели в традиционной структуре казахского социума: хан оставался ханом, султан — султаном. Однако новая роль, которую играли казахские владетели перед лицом России, оказала существенное влияние и на изменение их статуса. В российской политической и генеалогической структурах не было аналогов казахских институтов, т.е. просто не существовало таких званий. Включение части казахской знати в состав империи не привело к изменению иерархии званий в империи. Напротив, новая роль хана и ряда султанов оказалась сопряженной с обязанностью исполнения ряда функций, которые характерны для находящихся на государственной службе лиц. Звание хана постепенно, во всяком случае, с точки зрения российских властей, стало восприниматься именно как должность. Казахи же по-прежнему воспринимали этот институт в традиционном понимании.

Чрезвычайно показательна в этом отношении переписка российских властей и хана Абулхаира по поводу нападений казахов Младшего жуза на купеческие караваны, а также на российских верноподданных башкир, калмыков и уральских казаков. Российские власти требовали прекращения подобных действий, в противном случае угрожая Абулхаиру его отстранением, т.е. фактически увольнением со службы. Так, в инструкции Сената и Коллегии иностранных дел для бригадира А.И. Тевкелева от 31 января 1747 г. отмечалось: в случае невыполнения ханом означенных требований, нужно "ево (Абулхаира. – А.Б.) от ханства отставить, а вместо ево выбрав, ханом произвесть из доброжелательных старшин" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 27. Л. 13; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1743 г. Д. 3. Л. 120 об.). Абулхаир, объясняя российскому правительству свое бессилие и невозможность пресечь подобные действия, писал императрице: "...Народ наш подобно диким зверям ... и оной киргиз-кайсацкой народ мне противны были" (КРО 1 1961: 97). То есть Абулхаир ссылался на свой ханский статус в потестарной структуре — на звание, а российские власти делали упор на его функциональные должностные обязанности.

Противопоставляя казахских султанов и ханов друг другу, российское правительство фактически стимулировало протекание в латентной фазе конфликта внутри казахского общества. Управляя конфликтом, российские власти могли без широкомасштабного применения военной силы контролировать общее течение политических процессов, направляя их в приемлемое для себя русло. Вместе с тем со стороны казахских владетелей долгое время исходила угроза сепаратизма и вооруженных выступлений против России. В таких условиях, а также в связи с постепенной более глубокой интеграцией окраин в общеимперскую инфраструктуру, все актуальнее звучал вопрос об изменении системы управления в казахской степи и ограничении внутреннего самоуправления. Первыми шагами на пути к изменению такой ситуации стали попытки ликвидации института ханской власти в его традиционном восприятии, т.е. в качестве звания.

Выдававшиеся российскими властями подарки или точнее взятки, принимая регулярный характер, становились платой за выполнение поручений, постепенно превращаясь в жалованье. Если вначале российские власти, исполняя просьбы казахских султанов, зачастую передавали так называемые подарки тайно, то постепенно характер таких подношений становился фиксированным и осуществлялся открыто. Точнее, лишь часть сумм или товаров в натуральном виде передавалась явно, остальные – тайно (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 32–32 об. и др.). Здесь, кстати, прослеживается процесс изменения восприятия обычая самими Чингизидами, стремившимися сконцентрировать таким путем богатства в частной собственности, не показывая ее

размер корпорации. Оренбургские начальники — генерал-губернатор И.И. Неплюев и генерал-майор А.И. Тевкелев писали в 1748 г. в Коллегию иностранных дел: "Когда хану определено будет жалование, тогда хотя б и всем народом пожелали сами собою без указу хана выбрать, но тот солтан ведая, что лишится е.и.в. милости и жалованья ханства не примет, да и старшины не захотят, чтоб хан их был без жалованья, ибо у них древней обычай, яко полученное им должен он со всеми старшинами разделять" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 63; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3. Л. 174 об.). Более того, ряд сложных вопросов можно было решить в то время только посредством регулярных выплат. Так, ссора с ханом Нуралы, вызванная нецензурной бранью по отношению к нему оренбургского генерал-губернатора Давыдова, была прекращена после того, как стали "выдавать и братьям его (хана. — А.Б.) жалованье, чтоб их задобрить" (Мейер 1865: 14—15).

Российские власти осознавали, что использование корыстолюбия определенных кругов казахской аристократии – недостаточное условие сохранения их верноподданнических обязательств. В 1763 г. Екатерина II писала оренбургскому вице-губернатору Д.В. Волкову, что "дача жалования киргисцам не довольная еще политика к возбуждению их любви и склонности к России" (МИБ 1956: 452), необходимы иные меры. Местные же российские власти понимали необходимость использования традиционных институтов для поддержания относительной стабильности и преемственности в управлении, но в то же время необходимость ее постепенной трансформации, с предложением о чем неоднократно выходили в правительство. Так, А.И. Тевкелев испрашивал позволения правительства, чтобы у кочевников "по нынешнему их состоянию обряды или порядки некоторые убавить, а некоторые ж вновь прибавить" (Там же: 439). В конечном итоге необходимо было стремиться к тому, "чтоб киргисцы Россию собственно для России любили и помаленьку русели" (Там же: 447). Поиски путей решения этих вопросов представителями оренбургской администрации протекали в различных, иногда противоположных, направлениях. Один из них был предложен П.И. Рычковым в докладе с характерным названием "Представление о состоянии Киргиз-Кайсацких орд, и способах к приведению их к спокойному пребыванию и ко исполнению подданнических должностей" (1774 г.) (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 15 об.). Он сводился к необходимости просвещения в первую очередь аманатов вероятного резерва грядущего бюрократического аппарата из числа инкорпорированных в российские структуры представителей традиционной казахской знати.

Одним из средств реализации стратегических целей являлся процесс превращения традиционных званий в должности. Первым шагом к этому стало формирование финансовой зависимости части казахской аристократии от России. Вторым шагом стала выработка и доведение до сведения претендентов на замещение четких, весьма определенных обязанностей и полномочий ханов и султанов. Они обязывались заботиться об охране транзитных караванов, обеспечении губернской администрации сведениями о социально-политической и экономической ситуации в сопредельных государствах, способствовать безопасности в "пограничье". В соответствии с должностными обязанностями они несли ответственность за их частичное или полное невыполнение. Так, за потерю караваном части имущества султаны и хан могли лишиться части своего ежегодного жалования (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 33 об.-34 и др.), а за недостаточное обеспечение спокойствия на российско-казахских "границах" и набеги казахов на российские поселения – должности (Там же. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 47). Первый оренбургский генерал-губернатор И.И. Неплюев, обосновывая целесообразность смещения Абулхаира, писал о возможности ротации ханов и султанов: "Ежели такой жалованье получающий хан, примет злое намерение, а достать и поймать будет его невозможно, тогда определенное ему жалованье объявя разом отрешить и из солтанов одного надежного на его место ханом и с жалованьем определить" (Там же. Д. 6. Л. 63; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3. Л. 174-174 об.). Напротив, ретивое исполнение казахами служебных обязанностей поощрялось повышением годового оклада, вручением наград и переводом на иные должности вплоть до протекции при избрании в ханское звание. Конечно, взаимные подарки, формальное обязательство уплаты ясака были в первую очередь средством демонстрации внешнеполитической зависимости казахских владетелей от России. Однако представляется, уже с первых моментов становления имперской системы это же являлось элементом воздействия на само казахское население, основная масса которого восприняла первые формальные шаги по присоединению Казахстана к Российской империи весьма индифферентно. Российская сторона придавала этому вопросу серьезное значение. А.И. Тевкелев, в частности, писал, что казахи, "слыша о таком жалованье (чингизида) признают, что оной подлинно состоит в Российском подданстве" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 63; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3. Л. 175).

Вопрос о назначении регулярного регламентированного жалованья казахским владельцам еще требует своего детального изучения, поскольку проливает свет на становление механизмов генезиса и эволюции колониальной системы управления Российской империи. По данному вопросу в правительстве существовало несколько точек зрения. Первоначально доминировало мнение, что "жалованье хану определять бы и не стоило, поскольку это создаст прецедент, и того же потребуют правители калмыков и горских народов" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 64; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. З. Л. 176). Настоятельные просьбы оренбургских властей, в конце концов, были поддержаны с условием, чтобы привлечение казахских владетелей на службу повысило торговый оборот России со странами Средней Азии. Изначально выдача жалованья рассматривалась правительством именно как плата за службу, и "хотя сам хан для ежегодного свидания (отчета. – A.E.) приезжать и не обязан, но письма ежегодно присылать должен" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 66; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3. Л. 177). Выплата жалованья казахским владетелям, действительно, стала прецедентом, и к таким действиям приступили и в отношении иноверческой знати иных этнических групп империи, но это же способствовало выработке нового механизма кооптации аллогенов в имперские структуры и определенной унификации подходов к осуществлению взаимодействия знати православных и неправославных народов в составе России.

Зависимость казахских ханов подчеркивалась их конфирмацией со стороны российского правительства, а также необходимостью составления периодических письменных отчетов и т.п. Этот процесс был затруднен рядом объективных обстоятельств: отсутствием опыта чиновничьей деятельности у казахов, низким образовательным уровнем, проблемой выбора языка общения и рядом других. В постепенно создававшихся административных органах накапливалась масса бумаг, требующих решения вопросов и т.п. Естественно возникала волокита и условия для процветания коррупции. Большие трудности были связаны с высокой географической мобильностью населения, что затрудняло функционирование фискальной и полицейской системы, а также с различиями менталитетов российского чиновничества и основной массы казахов-кочевников. Однако даже эти трудности не стали препятствием на пути становления и развития, качественного и количественного роста колониального бюрократического аппарата в казахской степи.

После смерти хана Абулхаира Тевкелев писал правительству, что среди казахов целесообразно "домогатся главного хана указом зделать; понеже ежели кто из них указом зделан будет, тот может и милость помнить". Кроме того, представители оренбургской администрации прогнозировали, что "впредь тот порядок в обычай войдет" (АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Кар.15. 1748 г. Д. 8. Л. 240). Российские власти при выборах на ханство стремились поддерживать креатуры относительно слабых, безвольных султанов. Они становились марионетками в руках правительства и губернской администрации. В случае избрания казахами сильного, своевольного султана, он не призна-

вался в таковом достоинстве российскими властями. Так произошло с непризнанием в ханском достоинстве султанов Каратая, Арынгазы, Каип-Гали, Кенесары, Абулгазы. Лишь через восемь лет после избрания был утвержден в ханском достоинстве Аблай. Правительству были необходимы исполнители его воли, иначе говоря, бюрократы, а не харизматические лидеры, каковыми являлись ханы по званию. Параллельно правительство продолжало противопоставлять друг другу как династические ветви чингизидов, так и отдельных султанов и ханов. В одной из инструкций середины XVIII в. отмечалось, что "нынешняя их форма правления, по дикости народной и по ситуации обоих орд (Младшего и Среднего жуза. — A.Б.), для высочайших е.и.в. интересов такова, каковой всегда быть надобно. Ибо, что сильняя ханы, тем под случай народного их неспокойства, в усмирении их больши трудностей. Лутчее, кажется, средство в нынешней их мере содержать, не допущая ни ту, ни другую сторону, как силиться, так и в большое безсилие приходить" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 92—93; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Кар. 17. 1748 г. Д. 3. Л. 233 об.).

Первым опытом вмещательства российских властей в процесс избрания казахами хана являлись выборы хана после гибели Абулхаира, убитого султаном Среднего жуза Бараком. Российские власти поддержали кандидатуру старшего сына Абулхаира -султана Нуралы. "Надобно было на место его (Абулхаира. – A.Б.) выбрать хана, то дабы новый хан толь и как здешнюю сторону одолженным был, старание приложено о выборе в ханы, нынешнего Нурали Хана..." (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 32). Официально ему был утвержден размер жалования в 600 руб. серебром, из которых выдавалось тайно 400 руб. В качестве атрибута власти вручена сабля, а "двум его братьям Эрали и Айчувак Солтанам по 200 рублев определено... Эралию недавно... (за) старания в препровождении караванов и еще 150 рублев прибавлено" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 33). Более того, оренбургской администрации удалось добиться от хана письменной просьбы об утверждении его в этом достоинстве. 17 октября 1748 г. Нурали отправил на имя императрицы письмо следующего содержания: "По совету вашему ... все знатные бии собрався в ханы меня выбрали, и хотя я оное ханское правление на себя и снимаю, токмо без особливого е.и.в. высочайшего указа на ханство вступить и главным ханом быть не в состоянии" (АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Кар. 17. 1748 г. Д. 8. Л. 21-21 об.). Понятно, что для Нуралы это письмо не имело того значения, какое этому факту придавали российские власти. Поскольку, как верно заметил Т.И. Султанов, казахи воспринимали вступление под протекторат России в качестве обратимого шага, рассматривая возможность его прекращения в удобном для себя случае (Россия, Запад 1996: 19). Российская же администрация исходила из норм европейского права и в дальнейшем использовала такие официальные документы в качестве правового прецедента, налагавшего обязательства.

Попытки Нуралы проводить относительно самостоятельную внешнюю политику, что в известном смысле удавалось его отцу и ряду других владетелей, натолкнулись на противодействие российских властей. Это выражалось как в открытом противостоянии, так и в неоказании помощи новому хану в реализации его инициатив. Например, оренбургская администрация не поддержала претензий хана Младшего жуза (конфирмованного в статусе хана казахов для поддержания напряженности в отношениях между двумя ветвями казахских Чингизидов – Жадигидами и Осекидами) на получение ханского достоинства в Хиве и у каракалпаков, не оказала помощи в его попытках ослабить власть Батыра в поколении алимулы Младшего жуза и власть Барака в Среднем жузе и т.д.

Авторитет хана в традиционном казахском обществе во многом зависел от того, насколько успешно он способствовал расширению ареала кочевий, развитию торговли с соседними оседлыми регионами, откуда кочевники получали необходимые земледельческие продукты и ремесленные товары, а также от того, насколько успешными были его грабительские набеги. В первые годы своего правления Нуралы не сумел в пол-

ной мере проявить эти качества, в результате его власть была номинальной. Опасаясь конкуренции со стороны поколения Жадигидов, а также стремясь расширить торговые связи с приуральскими и сибирскими поселениями, Нуралы объективно был вынужден искать пути расширения контактов с российской администрацией, в лице которой он мог найти поддержку ряда своих инициатив и опору собственной непрочной власти. Российские власти долгое время поддерживали достаточно прохладные отношения с Нуралы, делая ставку на султанов Среднего жуза – сначала Барака, а затем – Аблая. Причина этого крылась в том, что Средний жуз был более многочисленным, и экономическое благосостояние его населения было выше. К тому же он занимал важное стратегическое положение, являясь определенным мягким буфером между Россией и Джунгарией, а после ее разгрома – между Российской и Цинской империями. Кроме всего прочего султаны Среднего жуза в значительной мере контролировали караванные пути в Хиву и Бухару (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 153).

Положение начало качественно изменяться с 1755 г. Начавшийся башкирский бунт вынудил местные оренбургские власти искать более тесного сотрудничества с владетелями Младшего жуза, в первую очередь с Нуралы. Желание улучшить отношения оказалось взаимным. Генерал-губернатор И.И. Неплюев позволил казахским султанам грабить и захватывать в рабство беглых башкир. В "Выписке о башкирцах", составленной Коллегией иностранных дел, отмечалось, что казахи Младшего жуза "беглых башкирцев по большей части разграбили и жен от мужей, а детей от отцов и матерей разлучили и таким образом учинили пленниками, причем между самими киргискайсаками у одного рода с другим происходили за них драки и убивства..." (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 246). О масштабах грабежа можно судить хотя бы потому, что в один день Нуралы выдал Текелеву около 6 тыс. рабов из бывших пленных башкир (Там же. Л. 247 об.). В 1771 г. то же самое было позволено сделать казахам и по отношению к возмутившимся против России волжским калмыкам (Там же. Раз. ІІ. Оп. 7. Д. 3, 4). Помимо прочих вознаграждений за исполнение служебных обязанностей (в данном случае - за исполнение полицейских функций) зимой 1755 г. казахам было разрешено переходить на правую сторону Урала для зимнего кочевания. Это, с одной стороны, повысило авторитет абулхаиридов, с другой – рассматривалось правительством в качестве дополнительного финансирования должности хана, поскольку правительство и местные власти не сопротивлялись тому, чтобы Нуралы и его родственники ввели регулярный однопроцентный сбор с казахов за перегон скота через Урал (АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1775-1786 гг. Л. 2. Л. 189). В целях ограничения роста популярности Нуралы использовались различные способы, в том числе и поддержка антиказахских выступлений иных нерусских групп империи (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 12 об.-15 об. и др.), и запрет кочевать в волжско-уральском междуречье (Быков 2003: 34-35).

Усиление зависимости Нуралы от российской администрации и выполнение им административных функций в качестве отправителя должности хана приводило к ослаблению его позиций в традиционной иерархии и падению его авторитета, т.е. приводило к определенному ограничению его полномочий в качестве хана по званию, а в значительной мере и к девальвации самого звания. Обычно-правовые и институциональные статусы и роли начинали в данном случае вступать в противоречие, которое со временем все более усиливалось. Примером реакции хана на изменение ситуации служит его попытка добиться у российских властей утверждения наследником сына Ишима (Есима). Современные правоведы отмечают, что казахское обычное право не знало наследования по завещанию и усмотрению наследователя (История государства и права 1982: 73). Как справедливо отмечал А.И. Левшин, "желание это было ново, но не противоречило видам России" (Левшин 1996: 245). Стремясь предотвратить всяческую возможность проявления сепаратизма со стороны ханов, в 1780-е годы О.А. Игельстром предложил ввести одновременно в Младшем жузе должность хана (три человека),

в качестве кандидатов выдвинув потомков Каипа. Каждый из трех ханов должен был править в одном из племенных объединений (алимулы, байулы и жетыру). Несколько позже О.А. Игельстром пришел к выводу о необходимости полного упразднения этой должности (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 16-19, 45-50). В 1785 г. Екатерина ІІ утвердила предложение о ликвидации ханской власти (должность российской административно-политической иерархии) в Младшем жузе с пожеланием, чтобы казахи стали "привыкать к беспосредственному руководству наших главных там начальников военных" (АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1785 г. Д. 2. Л. 2 об.-3). Хан Нуралы был приглашен для беседы на линию, где был задержан и помещен под домашний арест в Уфе, где и скончался. В качестве формального объяснения казахам такого поступка со стороны российских властей была выдвинута идея защиты интересов шаруа. В донесении О.А. Игельстрома Екатерине II отмечалось, что "Нурали хан, первые 8 лет правления своего следовал примеру отцовскому, но назад тому уже 30 лет, отделяя от себя всех лучших старших, с которыми напредь имел согласие и советы, нимало не попечается о благе народном, но еще к удовольствованию своего корыстолюбия Разные оному притеснения чинит" (Там же. Оп. 122/1. 1775-1786 г. Д. 2). Подобные же просьбы "простого народа" стали поводом к ограничению российскими властями полномочий Вали-хана в Среднем жузе (Левшин 1996: 282) и утверждении в ханском достоинстве султана Букея (сына султана Барака), который ханствовал параллельно с потомком Аблая.

По инициативе О.А. Игельстрома был учрежден ханский совет, позднее – родовые расправы и ряд иных органов, руководство которыми также было сопряжено с исполнением определенных задач, выполнением постановлений вышестоящих органов губернской администрации. Лицами, принятыми на должность, стали представители традиционной знати кара-суйек.

Мы согласны с мнением А.Б. Каменского, что в Российской империи XVIII в. "рационализация управления на бюрократических принципах приходила в противоречие со стремлением государства к воспроизводству и консервации сословной структуры западноевропейского типа. Другая тенденция, направленная на оптимизацию и рационализацию механизмов управления на основе принципов камерализма, привела к формированию разветвленного бюрократического аппарата" (Каменский 1993: 5).

В изменивщемся историческом контексте рубежа XVIII—XIX столетий наложение лексических понятий сыграло уже несколько иную роль. В условиях начавшейся Великой французской революции всякое посягательство на существовавшие устои, а тем более на власть дворянства и монархию, жестко пресекались. Попытки О.А. Игельстрома реформировать систему управления казахами, максимально приблизив ее к положениям Учреждений по управлению губерниями 1775 г. (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 11; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 73. Л. 10 и др.), в частности, упразднение верховной власти ханов, были истолкованы его противниками в качестве посягательства на самодержавные устои. "Характерно, что адъютант О.А. Игельстрома полковник Гранкин, в доносе на своего шефа от 13 декабря 1788 г., обвинял генерал-губернатора в том, что в родовые расправы были выбраны не знатные, простые казахи" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 31). Игельстром был смещен, ханская власть наследников Абулхаира восстановлена. Однако это не привело к социальной стабилизации. Напротив, правление Ералы и Ишима было сопряжено с усилением выступлений казахов под предводительством батыра Срыма Датова.

Правительство фактически отменяет свое решение, вернув барона Игельстрома на свой пост. Однако было восстановлено ханское правление, ограниченное новыми административными органами — Ханским советом, Пограничным судам и Пограничной комиссией (Вяткин 1957). Непоследовательность российского курса в вопросе о необходимости/нецелесообразности сохранения ханской власти привела к усилению раскола между знатью кара- и ак-суйек: "Киргизы... некоторое время предпочитали в орде

одних бей, а между тем как хан Нуралей помер, то от Российского престола утвердили к ним Эрали. Вскоре Ишим, а по смерти его нынешней Айчувак, и как же от беев власть отнята, то народ Киргизский сделавшись развратитие, не зная кого почитать или кому повиноваться, друг от друга разделились" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 179. Оп. 1. Д. 11. Л. 3 об.—4).

Интересна канва событий этого времени в описании генерал-майора Генса. В 1797 г., после убийства Срымом хана Ишима вновь стал вопрос о кандидатуре на этот пост. Выбор оренбургских властей пал на сына Нуралы, султана Букея. Однако "султан Каратай, как старший брат его, почитая себя обиженным, полагая, что ему следует быть ханом, хотя Букей и был выбран народом, который за горячий его (Каратая) нрав, ханом иметь не желал. Каратай заманил к себе в аул Букея и не выпускал его до тех пор, покуда барон Игельстром не решился сделать ханом ветхого Айчувака, на что и Каратай согласился, уважая старость его и надеясь, что он скоро умрет" (РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. 1844 г. Л. 2).

В 1801 г., возвратившись к идее Игельстрома о создании из казахов Младшего жуза нескольких административных единиц – ханств, была создана Букеевская орда, ханом которой в 1812 г. был утвержден султан Букей.

В казахском обществе звание хана являлось пожизненным. Отказываться от ханства было не принято. Существующее свидетельство 1762 г. переводчика Ф. Гордеева, что "хан Абулмамбет, опасаясь нападения Китайской империи, в Туркестане ханом быть ... не желает" (АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Д. 14. Л. 27 об.), в отношении отречения не представляется достоверным. В данном и подобном ему случаях информация источников свидетельствует всего лишь об откочевке владетеля.

В 1805 г. Айчувак, "за старостию лет, был уволен от ханства, а на место его возведен сын его Джантюря Султан" (РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. 1844 г. Л. 3 об.-4). Существует версия, что прощение об отставке (!) от ханства, поданное Айчуваком, было фальсифицировано Жан-торе, стремившимся любыми средствами стать ханом. Официальную версию увольнения Айчувака в письме к канцлеру А.Р. Воронцову от 15 сентября 1805 г. изложил оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский, отметив, что хан "по слабости здоровья своего... просил меня о предстательстве у престола монаршего в рассуждении увольнения его от ханской должности; и государь император высочайше соизволил в 26 майя сего года на сие увольнение всемилостивейше пожаловать ему в пансион по 1000 рублей на год по смерть его; а на место его высочайше указать соизволил избрать новаго хана, предназначив в сие достоинство преимущественно султана Джантюрю, сына Айчувак хана". Избрание прошло по традиционному обряду "по добровольному согласию всех родоначальников и народа" с последующей конфирмацией (Архив СПб ИИ РАН, Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 52–53). Иную трактовку дали представители российской власти спустя несколько лет: "Назначение Джантюри было сделано тайно и только кочевавшие около Оренбурга байгуши (бедняки. – A.Б.), приложением печатей своих объявили желание иметь ханом" (РГИА. Φ . 853. Оп. 1. Д. 236. 1844 г. Л. 4). деа принименталоровного и искличара иннакти стоя иссоли

Каратай не признал власти нового хана и начал активно интриговать против него, а также грабить проходившие через степь караваны. Более того, он добился собственного избрания частью казахских старшин ханом, но не был признан российским правительством. Оренбургский военный губернатор, князь Волконский, рассматривал, правда, возможность сделать Каратая ханом туркмен, но "он отвечал, что почитает неприличным оставить свой народ и перейти к чужому. В 1809 г. Джантюря был убит, вероятно по приказанию Каратая" (Там же. Л. 4 об.). В 1810 г. умер Айчувак. Каратай полагал, что теперь он добьется конфирмации, и на время прекратил вооруженные действия, но достичь полного расположения и доверия со стороны оренбургских властей не сумел. В результате в 1812 г. ханами были провозглашены Букей и Ширгазы Айчуваков. Оба оказались удобны, поскольку "один будет жить в России, а другой не-

способен управлять народом" (Там же: Л. 5). Однако Ширгазы Айчуваков сумел добиться расположения атамана Уральского войска Д. Донскова. Совместные "воинские поиски" сторонников хана и казачества реальных, а чаще мнимых государственных преступников в степи приводили к массовым грабежам казахских шаруа и их недовольству, как назначенным ханом, так и российскими властями в целом (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 159–160). Это стимулировало рост популярности ханов, не утвержденных российским правительством.

В 1815 г. появился еще один претендент на ханское звание — султан Арынгазы Абулгазиев, Жадигид, внук хивинского хана Каипа и султана Батыра. В 1816 г. его признали ханом казахи поколения алимулы. Главной опорой его власти являлись сильные и многочисленные роды чиклы, шумекей и джагалбайлы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. Д. 44 б. 1811 г. Л. 21–22). Это поколение вело борьбу против Хивинского ханства, правители которого пытались утвердить среди них ханами Мененбая и Ширгазы Каипова. Как уже было отмечено, в условиях внешнеполитической угрозы полномочия хана в традиционном обществе казахов-кочевников резко возрастали. В частности, Арынгазы получил право применения смертной казни, ввел шариатское судопроизводство, регулярное налогообложение, усилил чинопочитание т.п., приблизив собственные полномочия к должностным.

Таким образом, во второй половине второго десятилетия XIX в. в Младшем жузе были два хана по званию – Каратай и Арынгазы, и по два хана по должности, соответственно Букей и Ширгазы Айчуваков – от России, а Джингазы-Мененбай и Ширгазы Каипов – от Хивы. Следует отметить, что и Каратай, и Арынгазы, пусть из разных побуждений, стремились к институциализации своего положения в форме конфирмации российским правительством в звании.

Оренбургскому генерал-губернатору П.К. Эссену пришлось решать, кого поддержать. С одной стороны, он был обязан сохранять российские политические институты, с другой – борьба в Младшем жузе привела к резкому падению торговых оборотов на оренбургском рынке. По донесениям таможен, "мена киргизская вовсе уже прекратилась и причиною того решительно полагала учиненное ханом на киргисцев близь Оренбурга нападение и кровопролитие" (Там же. Д. 44 б. 1811 г. Л. 184 об.). В то же время активизировалась торговля сибирских пограничных городов с казахами Среднего жуза (Быков 2003: 59–66). Постепенно симпатии генерала стали склоняться к Арынгазы.

29 августа 1817 г. было получено очередное обращение султанов и старшин Младшего и Среднего жузов с просьбой о замене хана. В нем, в частности, говорилось: "Избрали в свое время по высочайшему повелению в ханы султана Ширгазыя Айчувакова. Теперь однако видим, что нет от правителя сего никакой пользы, ибо делает потачку публичным ворам и допустил Орду привести в совершенное расстройство" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23. Л. 159). В качестве альтернативной кандидатуры казахские старшины также предлагали Арынгазы. Существовала также опасность вступления Арынгазы с подведомственными ему казахами в хивинское подданство. Все это предопределило окончательный выбор П.К. Эссена, который в секретном донесении МИДу от 3 ноября 1818 г. предложил утвердить ханом казахов Младшей Зауральской орды султана Арынгазы, а хана Ширгазы Айчувакова уволить "от управления Меньшою ордою, назначив ему с семейством его пребывание в Уфе или Мензелинске с произведением пансиона по 2000 рублей на год" (РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. Д. 44 а. Л. 3). Для повышения официального статуса до конфирмации Арынгазы предлагалось наградить золотой саблей на голубой ленте с бриллиантовыми украшениями, "поелику есть в орде и простые старшины, имеющие медали на голубых лентах" (Там же. Л. 2 об.). Кроме того, предлагалось прекратить ссоры с Каратаем Нуралиевым, который "принял намерение соединиться с ... Арунгазием" (Архив СПб ИЙ РАН. Ф. 267, On. 1. Д. 22. Л. 135).

Поддержка Арынгазы со стороны губернатора выразилась не только во внешнем почтении, но и в том, что ему было позволено воспользоваться российскими войсками, сопровождавшими миссию А.Ф. Негри в Бухару, против хивинцев (ВПР 1 1979; ВПР 2 1980). Эссену удалось убедить в необходимости ротации ханов К.В. Нессельроде, который и вошел с таким предложением к императору Александру І. Несмотря на всю убедительность доводов, по этическим соображениям император не поддержал идею о низложении Ширгазы, отметив на полях записки Нессельроде, что "гадательная польза, обещанная от удаления хана Ширгазы, не может сравниться с теми положительными выгодами, коих ожидать должно от сохранения в святости данного высочайшим императорским именем хану Абулхаиру обещания, удержать ханское достоинство в его потомстве…" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 189).

Оренбургский генерал-губернатор продолжал настаивать на собственном варианте выхода из кризиса в Младшем жузе. Для уточнения ситуации на месте правительством в степь был направлен статский советник Тимковский (не путать с начальником Тро-ицкой таможни!). Ревизор попал под влияние обаяния Ширгазы Айчувакова. Сравнивая личные качества хана Ширгазы и султана Арынгазы, Тимковский доносил: "Тихий, медлительный и непредприимчивый дух и великая набожность первого, поведение, незапятнанное никаким преступлением, устраняют от него всякое подозрение в каком-либо замысле" (Там же. Д. 23. Л. 209). Ревизор ошибался, и Ширгазы в это время, как и доносил Эссен, вел тайные переговоры с Хивой (РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. Л. 7 об.).

В.Ф. Тимковский принял точку Ширгазы. Письмо последнего с объяснениями происшедших событий было доставлено императору. В нем была дана такая интерпретация событий, что следовало, будто всю вину за создавшуюся ситуацию несут генералгубернатор П.К. Эссен и президент Оренбургской пограничной комиссии генералмайор Веселицкий, всецело ставшие на сторону "разбойника" Арынгазы и введшие сначала его в состав Ханского совета, а затем и вовсе назначившие его председателем этого полномочного органа "безо всякого со мною совета и согласия..." (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23. Л. 197). Он жаловался также на угрозы устранения от ханского достоинства, исходившие от высшего оренбургского начальства, упомянув, между прочим, и то, что претензии начальства сводились к недобросовестному исполнению ханом своих обязанностей. Парируя такие претензии, хан оправдывался несоответствием бюрократических форм управления кочевому быту: "Я же не могу решать дел, поскольку народ мой – кочевой – приказы идут долго" (Там же. Л. 199).

Осложнение отношений с Хивой предопределило выбор правительства в пользу Ширгазы Айчувакова. Арынгазы был вызван в 1820 г. в Санкт-Петербург якобы для конфирмации, задержан, а позднее сослан в Калугу, где и умер в 1833 г. (РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. 1844 г. Л. 7 об.—8). Даже после ссылки Эссен продолжал настаивать на возвращении Арынгазы и на возведении его в ханское достоинство. Когда это оказалось неприемлемым, он предложил правительству в своем проекте Устава об оренбургских киргизах 1822 г. вообще упразднить институт (должность) ханской власти в Меньшей Зауральской орде. Проект не был принят. Он проходил длительное обсуждение и лишь в январе 1824 г. после доработок был принят под названием "Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем" (МИПС 1969: 205—210).

Текстологический анализ документа показал, что речь в нем велась не об упразднении института ханской власти в традиционном понимании, т.е. не о ликвидации титула и звания хана, а именно о ликвидации должности хана, предусмотренной российской имперской иерархией (Быков 2000: 371–375). Имеющиеся в нашем распоряжении документы теперь убедительно доказывают выдвинутую Б.М. Абдрахмановой и нами гипотезу о неправомерности устоявшейся датировки упразднения института ханской власти в Младшем казахском жузе в 1822 г. (Абдрахманова 1998). Причина здесь та

же – исследователи путали звание хана с должностью-омонимом. Хан, действительно, был приглашен в Оренбург и сделан Почетным первоприсутствующим Оренбургской пограничной комиссии. Ему было установлено новое жалование в размере 600 руб. Однако речи о снятии с него ханского звания в документах не велось. Напротив, в переписке, обращениях при личных встречах и т.д. Ширгазы Айчуваков продолжал именоваться ханом. Специально подчеркивалось, что "для большего удобства (отправления полномочий) в оных сношениях основать хану постоянное свое местопребывание в Оренбурге, с званием Первоприсутствующего в Пограничной комиссии ... Сими средствами и уважительным обращением сохраняются хану все наружные почести, а в существе главное влияние на Орду будет иметь Оренбургское начальство через старших султанов" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23. Л. 425). Более того, некоторое время продолжал рассматриваться вопрос и о восстановлении ханской должности при условии разделения Зауральской и Букеевской орд на две части. В письме к К.В. Нессельроде П.К. Эссен отмечал, что необходимо усилить исполнительную власть в степи. "К достижению сего служит то, чтобы каждой части Орды полагался особый хан и под властью его Степное управление с старшим султаном, заведывающим полицейскими делами... возводить же в оныя тех из означенных старших султанов" (Там же. Л. 354).

Ширгазы не пожелал мириться со статусом марионеточного хана в звании не обличенного никакими полномочиями. Он потребовал построить для себя укрепление в степи и выделить воинское подразделение "для действия против непокорных". Представляет интерес аргументация стремления хана выйти из-под непосредственного контроля оренбургской администрации. В обращении к К.В. Нессельроде ханом отмечалось, что "я, будучи рожденным в киргиз-кайсацкой степи, пребывание свое продолжал, кочуя по зеленой украшенной цветами молодой траве и проистекающих речках и протоках. Словом сказать, в привольном и приятном воздухе; воздух же существующий в настоящем городе Оренбурге мне не нравится, и проживание мое продолжаю в оном не охотно, а принужденно" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23. Л. 430). Далее в письме он просил перенести ставку с подведомственными ему старшими султанами в степь.

После получения разрешения на выезд хан не возвратился в установленный оренбургской администрацией срок (Там же. Л. 504). Более того, своих сыновей Идига и Мендияра он отправил к хивинскому хану с секретной миссией. По донесениям российских властей, со стороны Хивы целью этой миссии являлось утверждение Ширгазы ханом (Там же. Л. 490).

Более того, в 1827 г. хан Ширгазы попытался сам посетить Хиву, но был задержан казахами из рода чиклы. Российские власти в очередной раз вошли в правительство с предложением о возвращении Арынгазы, имевшего в алимулинском поколении огромный авторитет (Там же. Л. 490). Направленный в это поколение старшим султаном Темир Ералиев добровольно сложил с себя полномочия ввиду невозможности исполнять поручения из-за саботажа алимулинцев (Там же. Л. 435–436). Но в очередной раз губернские власти получили отказ. Правда, теперь правительство пошло на некоторые уступки оренбургским властям. Эссен предложил еще в 1823 г. вернуть в Младший жуз Арынгазы в качестве султана-правителя Средней части орды (Там же. Л. 3). Азиатский комитет решением от 8 сентября 1826 г. назначил на эту должность его брата, султана Арду, пояснив: "...От поведения коего и от мер, кои он примет ко введению устройства и водворению спокойствия, зависеть будет и скорейшее отправление его Арунгазия в орду" (РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. 1823 г. Д. 95. Ч. П. Л. 100–101 об.).

Достигнув хивинских пределов, Ширгазы был тепло принят хивинским правителем и утвержден в ханском достоинстве. Из Хивы он начал активно интриговать, агитируя казахов к отложению от Российской империи (Там же. Д. 126. 1827 г. Л. 3–4 об.; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 492, 529–531). И при этом он продолжал имено-

ваться российской администрацией ханом казахов вплоть до 7 октября 1833 г. (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 504).

Следует отметить, что наложение понятий имело и обратный эффект, когда отдельные казахи, стремясь получить ханское звание, добивались при этом утверждения в должности. Так, упомянутый выше султан Каратай Нуралиев вел несколько лет борьбу за признание ханом. "...Когда русское правительство при упразднении ханской власти в Меньшей орде в 1823 г. назначило его султаном правителем Западной части, оно нашло в Каратае усердного и верного агента в своей колониальной политике" (Там же. Д. 106. Л. 66). Как показывают архивные материалы, одной из основных заслуг Каратая, по мнению оренбургских властей, было то, что он первым сумел привлечь казахов к регулярному выполнению казахами полицейских функций (РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. Л. 19). Со второй четверти ХІХ в. казахи зачастую стали рассматривать должность (уже не ханскую) в качестве звания (фактически ханского!). Еще более показателен в этом отношении следующий пример. 5 декабря 1833 г. оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский писал директору Азиатского департамента К.К. Родофиникину о провозглашении султаном Кусяк-Али себя султаном-правителем Западной части Младшей орды, т.е. он стал рассматривать эту должность аналогом ханскому званию (!) (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 115–116). Эта же ситуация была характерна и для Среднего жуза. Материалы Первого Сибирского комитета демонстрируют, что после упразднения ханской власти здесь по Уставу о сибирских киргизах 1822 г., султаны стремились закрепить за собой в потомственной форме звание (именно звание!) старшего султана. Российские власти не могли пойти на девальвацию должностного понятия, но взамен утраты ханского звания, по предложению Западно-Сибирского генерал-губернатора Горчакова, прямым потомкам ханов Аблая и Букея было пожаловано княжеское достоинство (титул, звание) (Там же. Л. 18). Предложенный в 1830 г. генералом Вельяминовым проект нового Устава о Сибирских киргизах, включавший положения о наследственной власти старших султанов и выборах должностных лиц исключительно из среды Чингизидов, был отвергнут Первым Сибирским комитетом (Там же. Л. 43-49). В Младшем жузе первым прецедентом возведения в княжеское достоинство было дарование этого титула вдове хана Абулхаира ханше Попай.

В другой части Младшего жуза - Внутренней или Букеевской орде (ханстве) - процесс девальвации ханского звания и превращения его в должность, которую упразднили, шел во многом аналогично процессам в Зауральской орде. После смерти в 1815 г. султана Букея, оставившего утвержденное советом султанов и старейшин завещание (Там же. Д. 106. Л. 57) (что было нехарактерно для обычно-правовой практики казахов) на имя своего несовершеннолетнего сына султана Джангира, ханством стал управлять брат Букея, султан Шигай, стремившийся удержать эту должность за собой. Для этого он "в феврале 1822 г... донес оренбургскому военному губернатору, что сей последний (Джангир. – A.Б.) разглашает в Орде слухи, будто он, имея бумагу от начальства на ханское звание, принуждает родоначальников киргизских прикладывать к бумаге оной свои печати и производит чрез это в Орде расстройство, что по собранным впоследствии сведениям, оказалось ложным" (РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. 1844 г. Л. 8). Показательно, что не к традиционным институтам, а к российским властям апеллировал и султан Джангир, оправдывая себя перед российскими властями и обвиняя в свою очередь дядю в вероломстве (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 23. Л. 371). Окончательное решение о новом правителе принималось саратовским и астраханским генерал-губернаторами, которые оба высказались в пользу молодого, воспитанного в русской среде Джангира, который "по качествам своим снискал уважение и доверенность не только между киргизцами, но и от российских жителей" (РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. Д. 5. 1801 г. Д. 105 об.).

На ханское достоинство претендовал и Каип-Гали Ишимов. В 1828 г. он организовал откочевку части казахов Букеевского ханства в зауральскую степь. Через некоторое время он был захвачен в плен и, давая объяснения, подчеркивал, что был "готов по принятой присяге служить е.и.в. как следует по законам" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 3). Российские власти не утвердили Каип-Гали в ханском звании, но это сделал в 1836 г. хивинский хан Аллакул (Там же. Л. 146–147). Но уже в 1841 г. новоявленный хан отказался от этого звания и хлопотал перед оренбургским военным губернатором В.А. Перовским об амнистии (Там же. Л. 172–173).

После смерти хана Джангира в 1845 г. ханская власть во Внутренней орде упразднялась, сама орда передавалась в ведомственное подчинение Министерства государственных имуществ, но казахи Внутренней орды некоторое время не платили правительству России налогов (*Бларамберг* 1978: 215).

Это был хронологический рубеж действительного упразднения должности хана в российской административно-политической иерархии в казахской степи. Предложения о восстановлении этого института иногда поступали и позже, но отвергались правительством. Последнее из известных нам предложений такого рода было внесено на обсуждение в пореформенную эпоху, а точнее, 31 января 1863 г., и называлось "Соображение о преобразовании управления у прилинейных оренбургского ведомства киргизов". По результатам обсуждения было вынесено безапелляционное заключение: "ханы и народ в степи не только не составляют органического целого, но имеют совершенно различные, даже противоположные интересы и что существование ханов положительно вредно, как для самого киргизского народа, так и относительно видов России на этот народ" (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 28. Л. 76). До реформы 1868 г. во Внутренней орде формально был сохранен такой орган, как Ханский совет, но действовал он на правах уездного органа "как правление чисто судебное и административное" (РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1857 г. Д. 58. Л. 2).

Последней попыткой провозгласить ханом без конфирмации было избрание ханом Абдулгафара, одного из руководителей восстания тургайских казахов 1916 г. Однако он не являлся Чингизидом (представитель рода кыпчак), и это была своеобразная реакция традиционного социума на ускоренные процессы политической модернизации, демонстрирующая в то же время деградацию восприятия ак-суйек со стороны шаруа.

По той же схеме, но с существенными отличиями в деталях решался вопрос об упразднении ханской власти в Среднем жузе. Его анализ представляет интерес, в том числе и в плане возможного сравнительного исследования, но не является предметом анализа настоящей статьи. Ограничимся лишь замечанием, что, пожалуй, первой попыткой трансформации звания в должность здесь были предложения российских властей в 1759-1760 гг. Аблаю в его конфирмации (Сулейменов и др. 1988: 93-94) при жизни действующего, но утратившего фактическую власть Абулмамбета. Однако Аблай отказался и был утвержден в ханском звании только в 1780 г. за год, через девять лет после того, как был поднят на белой кошме. Однако российские власти не прекращали попыток превращения звания в должность, условием чего было усиление личной зависимости ханов от правительства и сибирских губернских властей. Так же, как и правителям Младшего жуза, казахским султанам и ханам Среднего жуза правительство выплачивало жалованье. Согласно решению Кабинета министров от 7 июня 1739 г., первыми его стали получать хан Абулмамбет, а также султаны Барак и Аблай (РИО 1907: 515, 547-548). Провозглашение наследника Аблая - султана Вали - ханом в 1781 г., проходившее независимо от имперской администрации, было признано ошибочным (ВПР 2 1980: 282). Более того, в своем письме к императрице Екатерине II он брал на себя обязательства "истреблять воров" среди казахов (КРО 2 1964: 108). Хотя в наказе ему, по сведениям, переданным И. Шангиным со слов султана Худай-Менды, султаны, старшины и муллы требовали, "чтобы хан во время правления своего следовал в точности обрядам и обычаям предков" (ЦХА Φ АК. Φ . 1. Оп. 2 доп. Д. 85. Л. 158 об.).

Параллельно с ханом Вали в 1812 г. был утвержден в ханском звании ханом среди части казахов Среднего жуза (поколение найман и ряд иных родов) потомок султана Барака султан Букей. Они и стали последними официально признанными российской администрацией ханами Среднего жуза (Средней Орды). Причем их утверждали уже не столько в звании, сколько в должности. О том, что они не располагали реальной властью, можно судить по неоднократным обращениям казахов к российской администрации с просьбой избавить их от непопулярных ханов (Кузембай-улы и др. 1996: 195–196). Позднее правительство признало факт навязывания казахам претендента. В одном из документов МВД (1868 г.) можно прочесть: "Утверждая ханов в известном роде, мы, точно так же шли в разрез присущему киргизскому (казахскому. – А.Б.) началу свободы выбора и коренным убеждениям их в достоинстве по родовому значению и личным качествам" (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 151. Л. 101 об.).

Со смертью Букея и Вали в 1817 и 1819 гг. соответственно должность хана Средней Орды упразднялась. В Уставе 1822 г. должности хана не было предусмотрено. Некоторое время российские власти все же рассматривали возможность утверждения ханом Габайдуллы, младшего брата хана Вали, но отказались от своего намерения, сославшись на непопулярность султана и на то, что традиционный обряд избрания казахами хана "на поминках, среди обыкновенных степных пиршеств, может показаться другим отдаленным не совсем основательным" (ВПР 2 1980: 282-283). В отношении Габайдуллы сибирские власти предлагали поступить аналогично тому, как поступили в отношении Каратая в Младшем жузе, назначив его султаном-правителем. Российские власти надеялись, что Габайдулла довольствуется чином полковника и должностью старшего султана Кокчетавского внешнего округа. Соответствующий указ был дан готовившему открытие округа А. Григоровскому (Абуев 1994: 4-5), однако потомок хана Аблая обратился к цинскому правительству с просьбой о признании его ханом казахов, а российским властям написал письмо с уведомлением о своей смерти (Стрелкова 1990: 15-16). Китайским двором Габайдулла был утвержден в ханском достоинстве, но при попытке встречи с китайскими посланниками он был арестован российскими властями (Моисеев 1991: 48-51; Ерофеева 1997: 92-93, 135-136). Позднее он был отправлен в ссылку в Березов, где и прожил до 1848 г., когда ему была дана амнистия в связи с окончанием движения его родственника Кенесары Касымова и официальным отречением от ханского звания (Абуев и др. 1994: 57-58). Ряд высокопоставленных российских чиновников пытались добиться ханами и иных султанов. Так, оренбургский военный губернатор В.А. Перовский считал целесообразным признать ханом султана Кенесары. Однако правительство одобрило мнение западносибирского генерал-губернатора Горчакова, считавшего такую меру вредной интересам правительства (Бекмаханов 1992: 244-249). Один из поддерживавших инициативы оренбургских властей высокопоставленный чиновник - глава азиатского департамента МИД К.К. Родофиникин предложил в противовес Кенесары признать в звании ханом одного из двух старших султанов внешних округов Омской области - Т. Чингисова или А. Габбасова, но и его инициативы были отвергнуты императором Николаем I (Тілегенова 2000: 73-74).

Таким образом, попытки добиться признания ханами, предпринимавшиеся потомками Аблая, не привели к желаемому ими результату. Последним ханом, поднятым на белой кошме в Туркестане по традиционному обряду, здесь являлся Кенесары Касымов, добившийся такой чести в 1841 г. После его гибели в 1847 г. попыток провозглашения ханом кого-то из султанов более не предпринималось. В отношении ликвидации номинальной ханской власти, как видим, существовала почти полная синхронность протекания процессов в Младшем и Среднем казахских жузах. Их координация, несомненно, отражает позицию петербургского кабинета и императора.

Итак, включение в состав Российской империи казахов Младшего и Среднего жузов потребовало совмещения традиционных потестарных и новых государственных институтов. Долгое время они сосуществовали, дополняя друг друга и выполняя различные функции. Однако постепенно, в силу различных причин, но в значительной мере из-за исполнения этих ролей одними и теми же лицами, эти структурные элементы социально-политической организации стали налагаться друг на друга. Результатом этого наложения стала путаница, отразившаяся в неверной оценке тех или иных событий, как современниками, так и потомками. В настоящей статье, например, была уточнена датировка упразднения ханской власти в Зауральской орде. Датой упразднения не может считаться утверждение Мнения Азиатского комитета, как полагала значительная часть исследователей и даже часть современников. Официальное признание существования института ханской власти в традиционном понимании (потестарная структура) продолжалось еще в течение 9 лет, вплоть до 1833 г. Причем в звании хана упоминался именно Ширгазы Айчуваков, уволенный в 1824 г. от ханской должности, в связи с упразднением таковой и перераспределением функций между членами Оренбургской Пограничной комиссии и институтом султанов-правителей (старших султанов).

По различным причинам постепенно происходил подрыв авторитета традиционных управленческих структур и их замещение институциональными. В данном случае наложение лексических понятий вносило не только путаницу, но и облегчало процесс расширения сферы действия государственных органов, выступая своеобразным психологическим амортизатором возможных негативных социальных последствий, вызванных процессами политической модернизации. Параллельное существование одноименных потестарных и государственных институтов стало невозможным в середине XIX в., когда российским правительством и принимается окончательное решение о ликвидации этих должностей и передаче их полномочий иным административным органам. Удивительным образом это способствовало упадку в то же время и традиционных институтов, отправители которых стремились инкорпорироваться в новые органы, полагая сохранить за собой таким путем прежний статус. В комплексе это способствовало упадку потестарной системы, потере ею ряда интегральных функций и включению многих обычно-правовых институтов в судебно-правовую и исполнительную имперскую систему, а также обюрокрачиванию традиционных званий и превращению их в официальные должности. В конце концов, это подготовило почву унификации системы управления в рамках единого имперского пространства путем упразднения нетипичных должностей и званий. Вместе с тем нельзя говорить о полной завершенности этого процесса в период до крушения Российской империи (февраль 1917 г.). Традиционные институты продолжали активно функционировать на низших таксономических уровнях общественной организации, составляя конгломерат с официальными институтами.

Источники и литература

- Абдиров 1994 Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана / Под ред. Ж. Касымбаева. Алматы, 1994.
- Абдиров 2000 Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (Из истории военно-казачьей колонизации края в конце XVI начале XX вв.). Астана, 2000.
- Абдрахманова 1998 Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998.
- Абуев 1994 Абуев К.К. Кокшетау: история и современность // Валихановские чтения-2: Матер. науч.-практ. конф. Ч. І. Кокшетау, 1994 (на казах. яз.).
- Абуев и др. 1994 Абуев К.К., Бексеитова А.Т. Губайдолла Уалиханов // Валихановские чтения-2.
- АВПРИ МИД РФ Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации.

- Архив СПб ИИ РАН Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук.
- Архив СПбО ИВ РАН Архив Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения Российской академии наук.
- Бекмаханов 1992 Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20-40-е годы XIX века. Алма-Ата, 1992.
- *Бларамберг* 1978 *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания / Пер. с нем. / Вступ. ст. Н.А. Халфина. М., 1978.
- Быков 2000 Быков А.Ю. О датировке ликвидации ханской власти в Младшем жузе // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Матер. конф. Барнаул, 2000.
- Быков 2003 Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII начала XX века). Барнаул, 2003.
- Владимирцов 1935 Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. М., 1935.
- ВПР 1 1979 Внешняя политика России XIX начала XX веков: Док. российского Министерства иностранных дел/Отв. ред. А.А. Громыко. Сер. 2. Т. 3(11) (май 1819 февраль 1821). М., 1979.
- ВПР 2 1980 Внешняя политика России XIX и начала XX века: Док. российского Министерства иностранных дел/Отв. ред. А.А. Громыко. Сер. 2. Т. 4(12) (март 1821 декабрь 1822). М., 1980.
- Вяткин 1957 Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; Л., 1957.
- Джампеисова 2004 Джампеисова Ж.М. Функционирование традиционных властных институтов казахов в колониальной системе Российской империи. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004.
- Ерофеева 1997 Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования: Матер. к Летнему Университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана (4–23 августа 1997 г., г. Алматы). Алматы, 1997.
- Ерофеева 1999 Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы, 1999.
- Жиренчин 1996 Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX начале XX веков. Алматы, 1996.
- История государства и права 1982 История государства и права Казахской ССР. Ч. 1/Под. общ. ред. С.С. Сартаева. Алма-Ата, 1982.
- История Казахстана 1999 История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 2. Алматы, 1999.
- История Казахстана 2000 История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 3. Алматы, 2000.
- Калиновская 1989 Калиновская К.П. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв.: (Хозяйство и социальная организация). М., 1989.
- Каменский 2003 Каменский А.Б. Элиты российской империи и механизмы административного управления (http://www.empires.ru).
- Крадин 1990 Крадин Н.Н. Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1990.
- *Крадин* 1991 *Крадин Н.Н.* Политогенез. Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития/Отв. ред. А.В. Коротаев, В.В. Чубаров. Вып. 2. М., 1991.
- *Крадин* 1992 *Крадин Н.Н.* Кочевые общества (проблема формационной характеристики). Владивосток, 1992.
- Крадин 1995 Крадин Н.Н. Трансформация политической системы от вождества к государству: монгольский пример, 1180(?)–1206 // Альтернативные пути к ранней государственности: Междунар. симп. Владивосток, 1995.
- КРО 1 1961 Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: Сб. док. и матер. Т. 1. Алма-Ата, 1961.
- КРО 2 1964 Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы) (Сб. док. и матер.). Алма-Ата, 1964.
- Куббель 1988 Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
- Кузембайулы и др. 1996 Кузембайулы А., Абилев Е. История Казахстана (с древнейших времен до 20-х годов XX века). Алматы, 1996.
- Кузембайулы и др. 1997 Кузембайулы А., Абиль Е. Казахская Сибирь (Из истории Тоболо-Тургайского региона в VI – второй половине XIX в.). Костанай, 1997.

Кэстль 1998 – Кэстль Дж. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру хану Киргиз-Кайсацкой Орды / Пер. с нем. В. Штаркенберга, В. Скорого. Алматы, 1998.

Левшин 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей / Под общ. ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1996.

Марков 1976 – Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

Масанов и др. 2001 – Масанов Н.Э. и др. История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие. Алматы, 2001.

Материалы объединенной 1995 – Материалы объединенной научной сессии, посвященные истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Мейер 1865 — Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Сост. Л. Мейер. СПб., 1865.

МИБ 1956 - Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. II. М.; Л., 1956.

МИПС 1969 – Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1969. Моисеев 1991 – Моисеев В.А. Ликвидация ханской власти в Среднем жузе и "Дело Габайдуллы Валиханова" // Казакстан коммуниси. 1991. № 10 (на казах, яз.).

Моисеев 1995 – Моисеев В.А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток. 1995. № 4.

Назарбаев 1999 – Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы: Атамура, 1999.

РГИА – Российский Государственный исторический архив.

РИО 1907 — Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 126. Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны (1731–1740 гг.) / Под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев, 1907.

Россия, Запад 1996 – Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996.

Сейдимбек 2001 — Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурное переосмысление: Учебное пособие/Пер. с казах. Алматы, 2001.

Стрелкова 1990 - Стрелкова И. Валиханов. 2-е изд., доп. М., 1990.

Сулейменов и др. 1988 – Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата, 1988.

Тілегенова 2000 — Тілегенова Л.Т. XIX-гасырдын 20-жылдарындагы Орта жуздегі хандык биліктін жойылуынын кейбір маселелері // Казакстан тарихы мен этнологиясы маселелері (гылыми макалалар жинагы). 3-ші шыгарылым. Астана, 2000 (на казах. яз.).

Тулибаева 2001 — Тулибаева Ж.М. Казахстан и Бухарское ханство в XVIII — первой половине XIX в. Алматы, 2001.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

ЦХАФ АК - Центр хранения архивных фондов Алтайского края.

Чулошников 1924 — Чулошников А.П. Очерки истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Древние времена и средние века. Оренбург, 1924.

Эволюция государственности 1996 — *Хамзеева Б., Зайнуллина Г.* Становление государственности и самосознания казахов // Эволюция государственности Казахстана: Матер. междунар. конф., г. Алматы, 3–5 апреля 1996 г. Алматы, 1996.

Энгельс — Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 21.

Earle 1978 – Earle T. How Chiefs Come to Power; The Political Economy in Prehistory. Stanford: Stanford Univ. Press, 1997; The Earle State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, 1978.

Fried 1967 – Fried M. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967. Service 1975 – Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.

A.Y. Bykov. Khan Power among the Kazakh: A Title and/or an Office

The author examines the issue of social and political organization of the Kazakh in the Russian Empire. Drawing on a variety of comparative materials, he attempts to trace the instances of the process of transformation of traditional power structures into state institutions. Through a case study of the Junior and Middle Zhouzes, he demonstrates the process of transformation of khan's and sultan's power into the office. New documents and facts related to the dating of the khan power abolition in the Junior Zhouz are introduced and discussed in the article.